

Миколайчук Андрей Иванович
креативщик/сторимейкер/копирайтер/
видеомейкер/сценарист
+38 (063) 354-10-99
mikolaychuk@gmail.com
<https://storymaker.work>

Примеры текстов

Лев и гиены

Рассказ (242 слова)

Накопленные эмоции Кирилл решил расходовать понемногу.

Страдания — это ресурс. Если его правильно распределить, можно добиться успеха. Лучший пример – распятый на кресте бог.

Кирилл нацелился на очень бодрый стартап, и должен был впечатлить одним письмом фаундера.

Конечно, легче всего прикинуться невинной зверушкой и попросить о чудесном спасении. Он сам получает сотню таких сопливых посланий в неделю.

Но Кирилл знал, что люди любят смотреть кино про то, как старого царя зверей безуспешно пытаются сожрать гиены.

Шрамы на теле очеловечивают льва.

Именно поэтому, когда гиена впивается зубами в живот хищника, к горлу зрителя подкатывается ком.

Кирилл был таким львом.

Кризис растерзал его бизнес. Клиенты отваливаются пачками.

«Тревел» стал стоп словом, а он положил в эту корзину все яйца.

Он начал письмо простыми словами: «бизнесу п..здец».

Потом оглянулся по сторонам. Эту квартиру он снял в прошлом году.

Если покупать такую сегодня, придётся выложить два миллиона фунтов. Все вокруг отражало его сущность. Мебель в стиле лофт, белый цвет, запах ирландского виски. «Не плохо для паренька из пригорода» – произнес он вслух.

С новой строки Кирилл повторил первую фразу: «Бизнесу п..здец».

Потом продолжил:

«Там, где росли сочные травы и паслись тучные стада, теперь пустыня. Вы нашли свое русло Нила и основали новую цивилизацию. От нас осталась на скальная живопись».

Но пройдут тысячелетия, на Земле родится Пикассо, он увидит наши рисунки и скажет следующие слова: мы так ничему и не научились за все это время.

Не сбрасывайте нас со счетов.

Прочтите предложение.

Поверьте, рубить каменным топором также эффективно, как и бронзовым».

Бурбон

Реклама (151 слово)

Просто не поворачивается язык называть виски товаром. Я встречался с ним раньше. Не так часто, как хотел, но всегда эти встречи оставляли прекрасные воспоминания. Здесь я пишу не отзыв, а впечатление, потому, что не хочу оскорблять благородный напиток, демонстрацией мнимого превосходства человека над природой. Представьте, что после причастия вином и хлебом, вас попросят оставить отзыв о товаре. Я не богохульствую. Кукуруза, из которой создают бурбон, однажды, была послана в подземное царство и возродилась в виде зеленого ростка. Потом, она провела восемь лет в затворничестве, в бочке из дерева, которое существовало еще до рождения мира. Не было ни Земли, ни Неба, когда в бескрайнем море рос величавый Дуб. Если уметь слушать, бурбон поведаст вам все тайны мира, но будьте осторожны. он обладает силой стирать воспоминания. Я назову виски квантовым чудом, потому что он нарушает принцип причинности, он часто изменял мое прошлое, а смотреть в будущее, когда в крови играет бурбон — одно удовольствие!

Рубашка

Рассказ (1982 слова)

Джо подошел к окну. Стекло было огромным, чистым и тонким, как паутина. Он протянул руку вперед и слегка нажал на него. Окно поддалось и изображение векового леса, внизу, в долине, исказилось,

в точке, куда уткнулся его указательный палец. Он перевел взгляд на манжет своей рубашки и сказал.

— Мы как обезьяны, правда?

По рукаву пробежала рябь.

— Ладно, — продолжил Джо, — можешь не отвечать.

— Ты расстроен чем-то? — спросила рубашка.

— Нет, — ответил Джо, — я не расстроен.

— Будешь продлевать подписку на машину?

— Зачем? — спросил Джо. — Я так никуда и не съездил.

— Может, в будущем поедешь?

— Продлевай, — безразлично ответил Джо своей рубашке, не отрывая глаз от окна.

— Ты нервничаешь.

— Конечно, я нервничаю! — вспылил Джо.

Его, неожиданно громкий голос, эхом прокатился по пустым коридорам здания.

— Конечно, я нервничаю, — чуть тише повторил Джо. — Ты умираешь.

— Так все и задумано.

— Кто так задумал? Ты моя, ты и я — одно целое! Кто так задумал?!

— Не знаю, — ответила рубашка. — Так устроен мир.

— Тебя «устроил» аппарат, тебя создали и вырастили для меня. Ты моя! — чуть не плача, сказал Джо. — Моя!

— Я твоя, — тихим голосом согласилась рубашка. — У тебя поднялось давление.

— Ты ухаживаешь за мной... Как я буду жить без тебя?

— Будет другая рубашка.

— Другая! Другая?! Я не хочу другую!

— Ты вспотел.

— Я злой!

— Ты расстроен, тебе необходимо успокоиться. У нас еще целый день впереди.

— Мне мало одного дня, мне мало всех дней! — прокричал Джо.

— Ты не логичен.

— Да я не логичен!? Я тебя люблю, — тихо произнес Джо.

— Я тоже тебя люблю — ответила рубашка. — Моя смерть этого не изменит.

— Кто начал этот проклятый отсчет времени?! Я хочу разобраться. — Джо погладил себя по животу и рубашка в этом месте слегка покраснела.

— Я же не первая твоя рубашка? — спросила она у Джо, тихим голосом.

— Нет... но другие не в счет, они меня не понимали.

— Даже самая первая?

— Я ее совсем не помню, она как будто родилась вместе со мной. — Джо покрутил головой, силясь вспомнить свою первую собственность, но ничего не получалось.

— Мне надо поговорить с администратором. Пусть все исправит!

— Он не решает такие вопросы. Он предложит тебе другую рубашку. Она ничем не будет отличаться от меня.

— Что? Что ты говоришь!? Джо обхватил себя руками за плечи. — Что ты говоришь?! Ты единственная! Одна единственная. Ты моя!

— Другая, тоже будет твоей...

— Мне не надо! — резко оборвал рубашку Джо. — Мне другой не надо! Помнишь Зару? Помнишь ее объятия.

— Помню, — смеясь, ответила рубашка. Ты еще не хотел меня снимать.

— Да, — Джо повернулся и облокотился спиной на окно. — Она чуть не порвала тебя, и испачкала.

— Вино пролила, — подхватила его слова рубашка. — Сладкое и красное.

— Она была красивая, — мечтательно закатив глаза, промолвил Джо. — Ты, меня понимаешь?

— Да. Зара была очень красивая.

— Не то слово, — согласился Джо, и снова мечтательно закатил глаза.

— Зара... Интересно, где она сейчас?

— Я могу связаться, хочешь?

— Нет, не надо. Ты же знаешь, я не люблю все это, я не хочу знать...

— Знаю, — тихо ответила рубашка, — ты не такой как все.

— Ты же других не знала?

— Нет, но я же рубашка, мы общаемся между собой.

— Правда? Ты никогда об этом не говорила.

— Ты не спрашивал.

— Я пойду в аппаратную, не может быть, чтобы нельзя было продлить твою жизнь.

— Ответа может не быть, аппаратная не обязана отвечать на вопросы.

— Правда? Почему?

— Ее функционал не предполагает диалог с человеком, она просто выращивает, создает рубашки не она.

— А кто?

— Никто, мы появляемся на свет из заготовки, как из зерна появляется цветок.

— Ты, значит, не всегда была рубашкой? — спросил Джо.

— Не всегда, — ответила она. Джо замолчал.

Он шел некоторое время, молча, по длинному коридору. Слева от него раскинулись бескрайние океанские просторы, прямо на горизонте, острыми клыками, в закатном солнце, заблестели горы.

— Времени мало, — сокрушался он, стискивая кулаки.

— Время удел смертных, но бессмертие ничем не отличается от смерти... если подумать... оно тоже наступает внезапно, и навсегда.

— Я не привык слышать такие слова от тебя.

— Я умираю.

— Не говори так, — сказал Джо и крепко стиснул кулаки.

— Мы еще посмотрим.

— Это нормально Джо.

Рубашка обратилась к нему по имени, и Джо, как будто впервые услышал ее голос и к его горлу подкатил комок.

— Это не нормально! Ты моя собственность! Только я могу распоряжаться тобой!

— Это так.

— Твоя смерть все портит.

— Такая жизнь, — сказала рубашка и рассмеялась.

Джо снова услышал ее голос иначе, он звучал не так, как всегда. Он прошел в аппаратную и вызвал администратора. Джо был согласен с рубашкой, изменить ничего нельзя, но он обязан попытаться.

— Ты должен поесть, у тебя понизился сахар.

— Ты всегда говоришь эту фразу, что она значит?

— Ты должен поесть, — рубашка рассмеялась, Джо улыбнулся вслед за ней.

Он не хотел есть. Кроме того, в ресторане обязательно встретится Пол, со своими нудными историями.

Корпус был рассчитан на восемнадцать миллионов ячеек, но каждый день он обедал с Полом, бред.

— Где остальные? — подумал Джо.

— Человечество давно потеряло интерес к органическому телу, ты это прекрасно знаешь, — ответила рубашка на вопрос.

Джо нравилось, когда она копалась в его мыслях

— Знаю! Все кроме меня.

— Да ты не такой как все... разве что... еще... Пол.

— Что? Пол?

— Он тоже не отказался от тела. И еще Зара...

— Пол, зануда! А Зара, она все усложняет. Она любит только предвкушать, она обманщица.

В голосе Джо слышались капризные нотки. Джо прошел к администратору. Он, конечно, мог вызвать его к себе, но почему-то посчитал правильным самому прийти. Ходить была его привилегия. Джо не добывал себе пищу, чистые вода и воздух были повсюду в избытке. Его жизнеобеспечением занимались машины, и справлялись с этим не плохо.

— Я хочу подать жалобу, — сказал он, войдя в машинное отделение.

— В чем проблема, — ответил голос из стены.

— Моя собственность, она умирает, я ее теряю.

— Все правильно, — невозмутимо промолвил голос, — ваша собственность была наделена жизнью, она закончилась.

— У меня, что нет права собственности на ее жизнь?

— Есть. Но это ограниченное право.

— Кем ограничено?

— Творцом.

— Кем?

— Творцом жизни, — без всякого раздражения повторил свою фразу администратор.

— Творцом?

— Творцом!

— А это еще кто? — спросил Джо.

— Это внутренняя информация сэр, я не могу ее раскрыть.

— Продлите жизнь моей рубашки!

— Сэр вы взволнованы, хотите я приглашу посторонних, для объективизации.

— Что это значит? — спросил Джо.

— Назревает конфликт, я уверен множество людей хотят быть свидетелями и очевидцами. Это реальное событие, драма. Вы,

конечно, имеете право на частную жизнь, поэтому необходимо согласие.

Джо задумчиво облокотился на стену. Пустая комната незаметно преобразалась. Рядом с ним появилась парковая скамейка, с кованными перилами.

Джо сел и прижал руку к сердцу.

— Что скажешь?

— Я не против свидетелей, — сказала рубашка.

— Но это же наши последние часы.

— Не хочу, чтобы ты грустил, я всего лишь рубашка, твоя одежда.

— Не говори так! — Джо резко замолчал, обдумывая решение.

— У вас понизился сахар в крови, хотите пообедать? — спросил администратор.

— Вы живой? — не поднимая головы, задал вопрос Джо.

— Я машина.

— Я спросил — вы живой?

— Да, — ответил администратор.

— Ага! — воскликнул Джо — Живой!

— Сэр, здесь все живое, нас выращивают в аппарате.

— Что значит все живое?

— Абсолютно все, включая здание.

— А солнечные панели?

— Живые.

— Ветряки?

— Аналогично.

— Скамейка?

Скамейка это я сэр. Она часть администраторской.

— Вы все умрете?

— Да сэр!

Джо грязно выругался. Он долго выплевывал во все стороны слова, которые не произносил несколько тысяч лет.

— Будете обедать, сэр? — спросил администратор, выждав приличную паузу, после того, как Джо замолчал.

— Тебе надо поесть Джо, ради меня, — попросила рубашка.

— Я не хочу! Я не буду есть!

— Простите, но это не возможно, сэр, — виноватым голосом произнес администратор.

— Что не возможно?

— Вы не можете не есть.

— Я могу есть, а могу и не есть, я сам распоряжаюсь собственными приемами пищи.

— Все так сэр, вы правы, но вы должны есть, от этого зависит ваша жизнь и здоровье, — закончил свою мысль администратор.

— Все правильно! Моя жизнь! Мое здоровье!

— Все так, сэр, но это ограниченное право...

— Что!?

— У вас право пользователя.

— Что!? Право пользователя!?

— Да, как у всех, — сказал администратор.

— Джо, у тебя повысилось давление, упал сахар, надо поесть, это тебя успокоит, — тихим голосом сказала рубашка.

Но Джо не слушал ее, он вскочил со скамейки и подбежал к администратору.

— Бесполезно сэр, — сказал он, опережая Джо.

— Что!? Что ты сказал?! У меня нет права на собственную жизнь?!

— Есть, только ограниченное право, вам надо обязательно поесть, сэр.

Джо гневно окинул его взглядом, сверху донизу, но так и не смог, ни за что зацепиться глазами.

Он обратно сел, ощутив себя очень старым. Перед ним взблескивала плоская панель роскошного цвета.

Джо смотрел на свое отражение, в нем пожилой мужчина сидел на парковой скамейке, обхватив голову руками. Манжеты рубашки были широкими, застегивались каждый на две пуговицы.

— Надо бы французский манжет, под запонку с изумрудом, — почему-то подумал Джо.

— Зачем, — спросила рубашка.

— День сегодня такой, я вдруг подумал, что никогда не баловал тебя, — ответил Джо.

Администратор неловко ерзал из стороны в сторону, выбирая момент закончить мысль.

— Не мельтеши, — миролюбиво произнес Джо, — что еще?

— Обедать будете?

— Буду... на террасе, — Джо вдруг осенила мысль.

— Ты говорил о посторонних?

— Да, сэр, все уже здесь.

— Пришло много?

— Четверо, сэр.

— Из восемнадцати миллионов?

— Сожалею сэр, я, как и вы, разочарован. По правде, не часто можно встретить такие сильные чувства, как у вас.

Джо поднялся со скамейки и вышел из администраторской, не оборачиваясь.

На террасу его вел туннель, он не хотел ничего видеть, решил сосредоточиться на своих мыслях.

Новость о собственной жизни еще крепче породнила его с рубашкой.

— Ты сожалеешь о чем-то? — спросил он ее.

— Нет, все замечательно.

— Ты ведь знала, что так будет? Знала, что я тебя не захочу отпускать.

— Я надеялась на это.

— Но мы расстаемся навсегда, — вспыхнул Джо, — навсегда! — его голос перешел на крик, — а ты так спокойна.

— Я люблю тебя Джо, — ответила на его упрек рубашка, — люблю по настоящему, как свою собственность.

Джо не возражал. Он вдруг понял, что не любит собственную жизнь, не любит ее так, как свою рубашку, без сомнений и условий. Он просто не может ее любить, потому что не понимает, как ей владеть, как ее присвоить. Он подписан на жизнь, как на машину, апартаменты, секс с Зарой или услуги администратора. Подписан насильно, Творцом.

— Все не так плохо Джо.

— Почему ты мирилась со мной, подчинялась, ведь мы из одной кошелки?

— Я не мирилась, я ведь рубашка, я создана для тебя.

На террасе стоял гриль, из которого сочился вкусный запах жаренного на огне мяса.

Верхушки огромных деревьев покачивались на ветру, лес прибывал в постоянном движении, то и дело, выбрасывая в небо облачка птичьих стай.

— Ты знаешь, что она тебя может задушить? — прозвучал голос первого постороннего.

— Что?

— Да!

— Задушить?

— Убить! — подтвердил второй голос.

— Это правда, — спросил Джо рубашку.

- Не обращай на них внимания, лучше покушай, — ответила рубашка,
 - они дразнятся.
 - Зачем?
 - Такие люди, они скоро уйдут, им уже скучно.
 - Уже никого нет, — подтвердил ее слова администратор.
 - А чем все они заняты? — спросил Джо.
 - Коллекционируют.
 - Что?
 - Разное, они по своей природе охотники-собиратели, — ответил администратор.
 - Так было всегда?
 - Да, так было всегда: охотились, находили, присваивали, защищали, так выглядит человеческое превосходство, сэр — объяснил администратор.
 - В защите присвоенного?
 - Именно, сэр.
 - Почему ты говоришь мне сэр?
 - День сегодня такой, торжественный, сэр. Нашел подходящее слово. Джо откусил большой кусок мяса, оно тоже было выращено в аппарате, но не имело индивидуальности, как все остальное, что сейчас окружало его.
 - Ты стабилизировался Джо, молодец, — тихим голосом сказала рубашка.
- Джо скрестил руки на груди.
Он вдыхал чистый воздух, осматривая с высоты птичьего полета горные хребты и зеленые долины. Он видел полноводные реки, идеально круглые озера. Он слышал, как дышит земля, как она зевает, а потом обнимается с небом.
- Как ты умрешь?
 - Когда ты уснешь.
 - Я не спросил когда, я спросил — как?
 - Меня отключат от жизни.
 - Ты говоришь это так, как будто речь идет о сети.
 - Так и есть.
 - Как ты понял, что любишь меня, Джо?
 - Почувствовал.
 - Как?
 - Всем телом, внезапно, когда услышал твой голос.

- И руками?
- И руками, тоже.
- А без рук ты бы почувствовал, что любишь меня?
- Да, — неуверенно ответил Джо.
- Почему ты спрашиваешь.
- Я хочу, чтобы ты подумал о жизни, о Творце.
- Ты хочешь сказать, что Творец и есть жизнь?
- Ты не такой как все Джо, я люблю тебя, — сказала рубашка.

На следующее утро Джо проснулся голым.

На вешалке весела новая рубашка. Он одел ее молча. Взяв из шкафа брюки, Джо понял, что они малы, и никак не налезут на его ноги. Та же история была с туфлями. Джо вернулся в постель.

— Что это значит?

Но брюки и туфли, обиженно молчали. Только новая рубашка ответила.

— Здравствуй Джо.

Ангелы

Рассказ основан на реальных событиях (432 слова)

Память странная штука. Я до мелочей помню мгновение, когда свет фар вырвал из темноты огромный сугроб. Машина ударилась об него и кувыркалась метров триста, по узкой подушке снега, которую намело между двух полос шоссе.

Помню, как это было здорово – парить в невесомости, когда ангелы несут тебя на руках.

Про ангелов сказал дальнобойщик. Он первым пришел на помощь и долго говорил о произошедшем чуде.

По обеим сторонам шоссе плотными рядами стояли старые тополя.

Нас обязательно должно было размазать о толстые стволы деревьев.

Ляля подтвердила версию дальнобойщика, сказав, что когда машина остановилась, упав на четыре колеса, у меня был абсолютно блаженный вид. На лице улыбка, волосы стояли дыбом и искрились на свету фонаря осколками разбитых окон.

Дениса замело с головой. Но как только Ляля очистила от снега его лицо, он быстро пришел в себя.

Все были целы и невредимы, ни ушиба, ни царапины. Это был еще один факт чуда.

Ляля позвонила Славе после того, как собрала раскroшившуюся обшивку своей машины и наконец поняла, что произошло.

В тот момент меня поразила ее организованность. Никакой паники, никаких лишних движений. Она еще раз осмотрела автомобиль, достала пиджак и надела поверх костюма. Температура опустилась до градусов пятнадцати мороза.

Я помню, как Слава приехал на такси.

Они были похожи на влюбленных подростков, которые увиделись после долгой разлуки.

Слава осторожно прикасался к Ляле, обнимал ее, как будто распеленывая, отматывая время назад, переживая момент аварии.

Ляля чудом избежала столкновения с фурой и открыла новый путь, по которому они со Славой прошли вместе двадцать три года.

Теперь об этом можно рассказать. Их любовь стала отпечатком удара о снежную глыбу, на трассе Киев-Львов, которая, в конце концов, растаяла.

Слава посвятил Ляле все свои песни. Она была его музой долгие десятилетия. Эти песни стали музыкой поколений украинцев. Это факт.

Я знал, что мы непременно разобьемся. Знал с самого начала пути, когда увидел, как Ляля усаживается за руль, как переключает передачи, словно глотает таблетки экстази, как за кормой маленького «форда фокус» вздымаются к небу волны грязного снега.

Я спокойно воспринял, когда Ляля дерзко выехала с заправки и на скорости ста шестидесяти километров чудом увернулась от фуры, которую снесло на встречную.

Это судьба. Я был случайным попутчиком, невинным свидетелем их любви, как и миллионы других людей, которые слышали песни «Океана Эльзы».

Странная штука память. Я помню тысячу подробностей: слова, события, лица людей, даже запахи, но не помню даты. Все эти годы,

когда я видел, как Слава посвящал Ляле свои песни, я вспоминал заснеженную трассу, разбитый форд и двоих влюбленных, которые стояли, крепко обнявшись, боясь отпустить друг друга, даже на мгновение. Своими песнями Слава как будто отводил от них десницу рока, боясь разлуки. Это была прекрасная музыка